

— Если ты не скажешь и я не скажу, откуда Сичжи узнает? Цзэжань, неужели у тебя сердце не дрогнет смотреть, как меня изводят эти доклады и бумаги, доводя до седых волос? — В голосе Сун Цзывэня слышалось наигранное обиженное заискивание, от которого у любого по коже побежали бы мурашки и которому невозможно было бы отказать.

Шэнь Цинсюань оцепенел, чувствуя, как прижавшийся к его груди Сун Цзывэнь продолжает ластиться. Его руки сжались в кулаки так, что на тыльной стороне ладоней вздулись вены — он из последних сил сдерживал импульс оттолкнуть его.

Нельзя было отрицать, что Сун Цзывэнь невероятно хорош собой. Шэнь Цинсюань повидал немало прославленных красавиц и красавцев, но ни один из них не мог сравниться с Сун Цзывэнем.

Тем более что Сун Цзывэнь — повелитель целого государства. Мысль о том, чтобы прижать его к ложу и подчинить своей воле, заставила бы любого мужчину испытать величайшее удовлетворение.

Раньше он думал, что тоже способен испытать такое чувство, однако сейчас его сердце было полностью занято Цзянь Чжи, и в душе неизбежно росло бесконечное ощущение утраты.

— Всё равно твои решения всегда лучше моих, считай, что ты просто выручаешь меня! — Сун Цзывэнь, казалось, вовсе не замечал перемены в настроении Шэнь Цинсюаня и по-прежнему продолжал ластиться к нему с кокетливой улыбкой. Чуть приподнятые уголки его глаз источали такое соблазнительное очарование, что так и хотелось немедленно разделить с ним ложе.

— А ты не боишься, что я превращу владения твоего клана Сун в земли семьи Шэнь? — На лице Шэнь Цинсюаня появилась балующая улыбка, но при ближайшем рассмотрении в глубине его глаз по-прежнему сквозила привычная холодность.

— Цзэжань, ты просто прекрасен. — Услышав это, Сун Цзывэнь сам обвился руками вокруг шеи Шэнь Цинсюаня, чуть приподнял губы, подался ближе и легко коснулся поцелуем его щеки, после чего смущенно опустил голову.

Шэнь Цинсюань не любил, когда тот целует его в губы, поэтому поцелуи Сун Цзывэня могли приходиться лишь на уголок рта, что невольно вызывало у него легкое сожаление.

Что же ему сделать, чтобы Шэнь Цинсюань полюбил его?

— Раз тебе это по душе, я могу отдать их тебе без сожалений!

— Больше не доверяй никому так легко! — Посмотрев на поднявшего взгляд и глядящего на него с абсолютной серьезностью Сун Цзывэня, Шэнь Цинсюань на мгновение замер, и в его

глазах промелькнула сложная гамма чувств.

Он прекрасно знал нрав Сун Цзывэня и понимал, что тот говорит чистую правду.

Впрочем, до престола рода Сун ему теперь не было никакого дела. Если бы он хоть заранее знал, что встретит в Наньине такого человека, как Цзянь Чжи, он бы ни за что в жизни не вызвался ехать сюда по собственной воле.

Его жизнь не должна зависеть от кого-то другого, но теперь он уже был не в силах выбросить Цзянь Чжи из головы.

Сун Цзывэнь вперил взгляд в твердые глаза Шэнь Цинсюаня. В его собственных глазах мелькнула тень разочарования, но ее тут же скрыла улыбка:

— Цзэжань, я люблю тебя. Ради тебя я готов пойти на что угодно.

Помолчав немного и опустив голову в раздумьях, Сун Цзывэнь снова поднял взгляд на Шэнь Цинсюаня:

— Так что ты не смеешь предать меня. Если ты предашь меня, я сойду с ума!

Сойдя с ума, он и сам не смог бы поручиться, на какие непоправимые поступки окажется способен.

— Яньсю... я... я, Шэнь Цинсюань, разумеется, всегда буду относиться к тебе хорошо, — произнес он так, будто приносил клятву. Хоть это и было лишь представлением, его сердце почему-то пронзила легкая боль.

Но стоило ему тут же вспомнить о Цзянь Чжи, как все угрызения совести мгновенно испарились.

После этого Император Нинжэнь Сун Цзывэнь практически полностью переложил все государственные дела на плечи Шэнь Цинсюаня. Поначалу он еще просматривал самые важные доклады, отобранные Шэнь Цинсюанем, но со временем, видя, сколь блестяще тот управляет с делами — куда искуснее его самого, проявляя решительность и твердость истинного правителя, какими и подобает обладать настоящему монарху,

а не быть вечно колеблющимся и мягкосердечным, подобно ему самому, — он постепенно забросил все дела и свалил их на Шэнь Цинсюаня оптом.

Ему, императору, теперь оставалось лишь ежедневно присутствовать на утренних приемах, в то время как горы важнейших решений целиком и полностью перекочевали в руки Шэнь

Цинсюаня. Именно благодаря такому стечению обстоятельств Шэнь Цинсюань расставил при дворе немало своих доверенных людей. Когда же эти люди постепенно обрели решающий голос, Государство Наньнин практически превратилось в личную вотчину клана Шэнь, а сам Шэнь Цинсюань стал подлинным Регентом Наньнина. По всей стране знали: обращаться к императору бесполезно, а вот молить о помощи перед лицом Регента — единственный путь к спасению.

Впрочем, всё это дела минувших дней.

Если же вернуться в сегодняшний день, то после окончания утреннего доклада из-за явной враждебности между Цзянь Чжи и Шэнь Цинсюанем большинство чиновников не смело и близко подходить к Цзянь Чжи, опасаясь мести со стороны Шэнь Цинсюаня.

Уж лучше вызвать недовольство прямолинейного Цзянь Чжи, чем оказаться на мушке у злопамятного Регента.

Сам же Цзянь Чжи ничуть не заботился об этом — подумаешь, толпа флюгеров, гнущихся по ветру.

Когда-то, при жизни его отца, многие из этих людей точно так же вились вокруг него, расточая лесть и угодничество, хотя отец вовсе не желал знаться с подобными личностями.

Вот только тогда рядом с отцом находились те, кто разделял его устремления, а ныне... Цзянь Чжи повернул голову и посмотрел на людей, один за другим выходивших из дворцовых ворот.

Одни улыбались сановникам с насквозь фальшивой, угодливой улыбкой, другие же придерживались принципа моя хата с краю, предпочитая сохранять благоразумный нейтралитет.

Внезапно налетал порыв ветра, и одетый несколько легко для этой поры Цзянь Чжи ощутил накатившую волну холода.

Невольно подумалось о том, что на дворе уже стоит восьмой месяц — наступила осень.

Ещё чуть больше месяца — и настанет день рождения правителя Наньнина, а ведь он, кажется, уже очень давно не оставался с ним наедине.

Он так сильно тосковал по тому прекрасному юноше, который когда-то робко жался в уголке, учился вместе со всеми, но не делал больших успехов.

В те годы желающих поступить в ученики к его отцу было немало, но всё же не слишком много — как-никак, учеников для нынешнего университетского доктора подбирали самым тщательным образом.

Все эти соученики были старше его, а поскольку он приходился сыном самому учителю, все они выказывали ему особую близость.

Однако вся эта показная близость ему вовсе не нравилась — лишь нежный братец Цинсюань был не только любимым учеником отца, но и самым дорогим его сердцу старшим братом. Поначалу брат Цинсюань тоже вечно любил поддразнивать его, а иногда брал на руки, щекотал подмышками и доводил до безудержного смеха.

Пока не появился тот красивый мальчик, и брат Цинсюань перестал быть принадлежностью лишь одного его.

Каждый раз, когда тот приходил навестить его, он приводил с собой этого красивого парнишку. Позже он узнал, что тот красивый мальчик — сын императора по имени Сун Цзывэнь.

Все принцы учатся во дворце, с чего бы ему приходиться учиться в их поместье? Маленький он тогда ничего не понимал и не разбирался в извилистых мыслях взрослых.

Однако, вспомнив, что благородная супруга Лян тоже отправила Сун Цзыцзюэ учиться под началом его отца, он, будучи совсем крохой, быстро успокоился.

Впрочем, всё это ничуть не мешало ему ненавидеть Сун Цзывэня.

Из-за него брат Цинсюань перестал любить его больше всех на свете.

Раньше, стоило брату Цинсюаню раздобыть какую-то хорошую вещь, он в первую очередь вспоминал о нем. Но с тех пор, как появился этот странный принц, брат Цинсюань думал только о нем.

Маленький Цзянь Чжи был еще далеко не так проницателен и рассудителен, как теперь, и, конечно же, выказывал свое недовольство прямо на лице.

Из-за этого он даже несколько раз поссорился с братом Цинсюанем.

Пока три года спустя семья не отправила брата Цинсюаня из Цзиньюэ учиться мастерству у наставника.

Глядя на погруженного в непрерывную тоску седьмого принца, он поначалу злорадствовал: лишившись покровительства брата Цинсюаня, тот в учебном классе стал еще более молчаливым и угрюмым.

Кто-то начал исподтишка задирать его, а он, проявив малодушие, даже не смел дать сдачи.

Цзянь Чжи, конечно, знал, кто над ним издевается — тоже сын нынешнего императора, пятый принц Сун Цзыцзюэ.

Этот Сун Цзыцзюэ ему тоже не нравился: надменный и властный, но отличавшийся большим умом.

Его отец часто, оставшись один в кабинете, тяжело вздыхал: эх, если бы только Сун Цзыцзюэ

не был ребенком благородной супруги Лян — до чего же смысленный мальчик.

<http://bllate.org/book/21029/2138048>